

Экстра: Кошмар

Ланн открыл глаза в помутнении, не сразу осознав, какой сейчас год.

Минувший вечер они с Линь Ю провели слишком бурно, и теперь всё тело отозвалось тупой болью, а подняться стоило огромных усилий. В вопросах близости их Маленькое Величество поначалу был крайне сдержан: даже когда Ланн намекал, что не прочь попробовать нечто большее, тот ограничивался лишь самыми невинными ласками. Однако стоило Ланну проявить чуть больше настойчивости и пойти на осознанные уступки, как в Линь Ю пробудились скрытые таланты опытного «ценителя».

С каждым разом они понимали друг друга всё лучше, становясь всё ближе. Проснувшись, Ланн инстинктивно потянулся рукой в сторону, желая притянуть супруга к себе и получить порцию утренних поцелуев.

Но его пальцы схватили лишь пустоту.

Вместо тёплой кожи любимого человека он коснулся холодного металла.

«Металл?»

В спальне Линь Ю, помимо игровой капсулы, не было больших металлических поверхностей.

Ланн нахмурился, и остатки сна мгновенно улетучились.

— ...

Он был не в спальне.

Перед ним стоял письменный стол стального цвета, на подставке покоилась строгая чёрная ручка. Стены здесь были выкрашены в ослепительно-белый, в одну из них была вмонтирована тяжелая металлическая дверь. С потолка лился холодный свет встроенных ламп — всё вокруг выглядело торжественно, сурово и совершенно безжизненно.

Это была комната отдыха в военном ведомстве.

Послышался отчетливый звук тяжелых армейских сапог. Девон распахнул дверь и с удивлением уставился на него:

— Генерал-майор, вы всё ещё здесь? Третий принц вот-вот прибудет с визитом в Третий легион. Разве вы не собираетесь готовиться к встрече?

Брови Ланна дрогнули. Он перевёл взгляд на настольный календарь, и его лицо исказилось от напряжения.

Даты не сходились. Казалось, он вернулся на пять лет назад, в тот самый день, когда впервые встретил Линь Ю. Тогда Маленький Император был всего лишь Третьим Высочеством; он прибыл в легион с официальным визитом, растоптал розы Ланна, но взамен забрал его ирис. В тот момент Ланн счёл это досадным эпизодом, не подозревая, что это станет началом всего.

Девон поставил на стол два флакона и вздохнул:

— Может, сделаете инъекцию? Когда приедет Третье Высочество, вам придётся несладко.

В то время Ланн всё ещё находился в чувствительном периоде после первой метки.

Генерал-майор хотел было качнуть головой и отказаться — ведь Линь Ю никогда не стал бы намеренно мучить его, — но слова застряли в горле. Сердце внезапно сжалось от дурного предчувствия, словно над ним нависла незримая тень грядущей беды.

Помолчав мгновение, Ланн всё же ответил:

— Хорошо. Я сделаю укол.

Он засучил рукав и ввёл холодный раствор в предплечье. Лекарство обожгло мышцы, отозвавшись тупой, изнуряющей болью. Искусственные феромоны не могли сравниться с натуральными — они всегда давали побочные эффекты. Едва препарат попал в кровь, у Ланна закружилась голова, в висках застучало, а суставы предательски заломило. Опершись о край стола, он горько усмехнулся про себя:

«Надо же, как я разбаловался».

Прежний генерал-майор мог подавить любую боль, даже бровью не поведя. Но за годы, проведённые рядом с Линь Ю, он почти забыл вкус этого страдания.

— Готовьтесь, — бросил Девон. — Через двадцать минут флаер Третьего принца совершит посадку.

Двадцать минут спустя Ланн стоял на площади, сжимая в руках букет роз.

Летательный аппарат с имперской эмблемой плавно опустился на плиты, люк с шипением разошёлся в стороны. Третий принц стремительно вышел наружу и поднялся на трибуну для выступления.

Ланн наблюдал за ним издали, и его сердце снова пропустило удар. Лицо было тем же, но это был не «его» Высочество.

Его Линь Ю обладал мягким характером; даже когда он из последних сил разыгрывал жестокость под присмотром старшего брата, его глаза оставались чистыми и ясными. Но человек на трибуне выглядел мрачным, а в его взгляде полыхала неприкрытая ярость.

— ...

Пальцы Ланна до хруста сжали стебли роз.

Закончив речь, Третье Высочество неспешно подошёл к нему. Он окинул генерал-майора придирчивым, полным презрения взглядом, а затем резким движением вырвал букет, швырнул его на землю и с силой вдавил в камни подошвой сапога. Брызнул алый сок, и нежные лепестки превратились в грязное месиво.

После этого принц, даже не взглянув на Ланна, высокомерно зашагал прочь.

Ланн, сохраняя каменное выражение лица, последовал за ним. Никто не заметил, как его пальцы коснулись груди, на которой сиял орден ириса.

Его Третье Высочество когда-то отбросил розы, но забрал орден, с улыбкой сказав: «Ирисы мне нравятся больше роз».

Теперь Ланн всё ещё носил этот знак — ажурный узор, где шипы и ирисы сплелись друг с другом, отливая серебром. Но того, кто его когда-то забрал, здесь не было.

Принц перед ним вёл себя надменно и грубо. Он осматривал музей легиона, вскинув подбородок, а когда его взгляд падал на записи кровопролитных сражений, он лишь брезгливо морщился, прикрывая нос платком:

— Кровь... Какая гадость.

— ...

Ланн хранил спокойствие, безупречно исполняя роль офицера и отделяясь от принца вежливыми фразами. Лишь когда он наконец проводил гостя и вернулся в свой кабинет, его идеальная маска дала трещину.

Он заперся в уборной, наполнил раковину до краёв и несколько раз плеснул холодной водой в лицо. Случайно подняв глаза к зеркалу, Ланн увидел своё отражение: он выглядел жалко. Капли воды стекали по волосам, оставляя тёмные пятна на воротнике мундира.

«...Где же моё Маленькое Высочество?»

Этот человек — чужой. Куда же исчез тот, кого он знал?

В последующие несколько недель Ланн задействовал все свои силы, пытаясь отыскать хоть какой-то след того человека из своей памяти. Но сколько бы он ни расспрашивал, сколько бы ни искал, всё было тщетно.

Подчинённые в один голос твердили: Третье Высочество всегда был жестоким и спесивым. Говорили, что в первый же день после переезда в поместье он открыл подвал, чтобы избивать плетью женских особей, которые ему не приглянулись.

Слуги шептались, что крики из подвала не утихали часами. Несчастных вытаскивали оттуда со сломанными крыльями и окровавленными спинами — в них едва теплилась жизнь.

Ланн смял отчет о расследовании в кулаке, едва не порвав бумагу.

Его принц никогда бы так не поступил. Да, Линь Ю тоже питал слабость к его крыльям, но его «наказания» всегда ограничивались нежными, ласковыми поцелуями. Он ласкал чувствительные основания крыльев так бережно, словно они были дороже ему, чем самому Ланну. Он никогда бы не причинил ему ни малейшего вреда.

Девон, заметив состояние друга, пытался осторожно выведать, что происходит, но Ланн лишь качал головой.

Что он мог сказать? Как описать это чувство? Его сокровище, его любимый, его мудрый и решительный Император, которому он клялся в верности... та мужская особь, с которой он делил каждую ночь, — исчезла?

Ланн считал своё сердце железным. После бойни в 23-м секторе он думал, что ничто не сможет пошатнуть его волю. Но сейчас в его груди словно зияла пустота, заполненная лишь мертвенной тишиной.

Дни текли серой чередой.

Ланн намеренно избегал встреч с принцем, забывая каждую свободную минуту изнурительной работой. В конце концов, Его Высочество интересовали лишь богатства семьи Колетт, а сам генерал-майор был лишь досадным приложением к ним.

До него то и дело доходили слухи о новых бесчинствах принца: то он публично унизил кого-то на приёме, то оскорбил ветеранов армии... В этом существе не было ни единой черты того Линь Ю, которого помнил Ланн. Со временем он начал сомневаться: а не был ли тот прекрасный юноша лишь плодом его воображения, дивным сном?

Вскоре наступил день совершеннолетия Третьего принца. Ланн получил приглашение. Конверт доставили прямо в легион. Девон, передавая его, тяжело вздохнул:

— Боюсь, этой беды тебе не миновать.

То, что принц пригласил неженатого генерал-майора, которого прежде публично унизил, не сулило ничего хорошего.

Ланн остался бесстрастен. В глубине души он содрогался от отвращения, но долг обязывал его явиться. Будучи «опальным» офицером, он мог избегать личных встреч, но не имел права проигнорировать официальное приглашение монаршей особы.

Церемония во многом напоминала ту, что он помнил, вот только когда Уайт принялся осыпать его оскорблениями, никто не заступился за него. Ланн стоял, опустив глаза, и молча выслушивал обвинения, не пытаясь оправдаться. Но старая рана в его сердце, скрытая от чужих глаз, начала пульсировать болью, которая в тишине становилась невыносимой, грозя выжечь его изнутри.

Он до боли тосковал по Линь Ю.

На банкете первый принц, как и прежде, достал флакон с препаратом, вызывающим зависимость. Третье Высочество увёл Ланна в задние покои и подтолкнул к нему бокал. Бледно-розовая жидкость искрилась в хрустале, напоминая безобидный коктейль, но Ланн слишком хорошо знал, какой яд в ней скрыт.

Он опустил взгляд и взял бокал. В этот раз никто не пришёл, чтобы остановить его.

Ланн впервые в жизни — в обеих жизнях — узнал вкус этого зелья. Оно не было похоже на сладкое вино из белого персика с его чистым послевкусием. Этот напиток обжигал, словно серная кислота, выплеснутая в пищевод. Горло свело судорогой, желудок скрутило спазмом.

Ланн рухнул на колени, его начало рвать. Но действие препарата не ограничивалось физической болью: тело охватил странный жар, сознание поплыло, руки и ноги стали ватными. Наконец, у него не осталось сил даже на рвоту. Но в этом запредельном мучении он вдруг поймал себя на горькой, безумной усмешке.

«...Значит, так всё и должно было быть?»

В его первоначальном сценарии всё именно так и планировалось. Принц должен быть тираном, а сам Ланн — раздавленным, лишенным достоинства рабом, вымаливающим пощаду. Он был готов к этому давным-давно. Не стоило так убиваться.

Если бы только он никогда не встречал Линь Ю...

Если бы он не познал доброты, не почувствовал тепла и нежности, то, возможно, сегодняшние унижения не казались бы такими нестерпимыми.

Ланн вцепился в край стола. Перед глазами всё плыло, звуки доносились словно через слой ваты. Головокружение стало невыносимым, как вдруг кто-то коснулся его плеча и тихо позвал:

— Ланн? Ланн?

Голос был отчетливым — он доносился будто издалека, но в то же время звучал над самым ухом. В этот миг генерал-майор почувствовал аромат цитруса — свежий, чуть кисловатый и одновременно сладкий, как утренняя роса на спелых плодах. Этот запах он узнал бы из тысячи. Он грезил им в своём безумии.

У принца перед ним не могло быть такого чистого аромата — от того разило лишь гнилью и злобой. Этот цитрус принадлежал только его Линь Ю.

В императорской спальне Линь Ю был вне себя от беспокойства.

Прошлым вечером он зашёл слишком далеко в своих играх. Ланн никогда не просил остановиться, наоборот, поощрял его, и Линь Ю, не рассчитав силы, случайно причинил партнеру боль. Раны были в интимных местах, поэтому он сам нанёс мазь, решительно отказал Ланну в продолжении и уснул, обнимая его.

Но среди ночи он проснулся от того, что Ланна колотила лихорадка. То ли раны воспалились, то ли была иная причина, но генерал-майор метался в беспамятстве. Его бледная кожа покраснела, веки были плотно сжаты, ресницы подрагивали, а на лбу выступил холодный пот. Одежда Ланна была насквозь мокрой.

Линь Ю пытался разбудить его, но Ланн словно завяз в трясине кошмара и не откликался на зов. Император, не зная, что делать, уже собирался встать и позвать врача. Однако стоило ему пошевелиться, как его запястье перехватили.

Ланн вцепился в его руку с такой силой, словно боялся навсегда потерять что-то бесценное. Его пальцы заметно дрожали.

Линь Ю остался на месте. Генерал-майор открыл глаза и растерянно моргнул; в них еще стояла влага, которую он не успел скрыть. Его взгляд с трудом сфокусировался сначала на обстановке: мягкий свет ламп, молочно-белые занавеси — его родная спальня.

Затем он посмотрел на Линь Ю. Маленькое Величество явно страдал от слишком крепкой хватки, но не пытался высвободиться. Он лишь осторожно отвел прилипшую прядь волос со лба Ланна, проверил температуру и тихо спросил:

— Ланн? Тебе приснился кошмар?

— ...

Линь Ю смотрел на него с искренней тревогой. От его кожи исходило живое тепло, а по комнате разливался успокаивающий аромат цитруса — хотя юноша не понимал, что произошло, он инстинктивно выпустил феромоны, чтобы унять боль супруга.

Ланн не выдержал, рванулся вперед и крепко обнял Линь Ю. Он уткнулся подбородком в его плечо, желая раствориться в этом объятии. Он сжимал принца так сильно, словно хотел срастись с ним плотью и кровью — только так можно было заглушить ужас пережитого сна.

Линь Ю обнял его в ответ. Он словно прижимал к себе огромного, напуганного зверя, который всё еще дрожал.

— Что же случилось? — прошептал он.

— Мне... мне приснился сон, — глухо отозвался Ланн. Лишь сейчас он заметил, как охрип его голос.

Линь Ю погладил его по спине:

— Расскажешь?

В спальне поддерживались идеальные условия, свет был приглушенным, и Ланн начал понемногу расслабляться в этом теплом кольце рук. Ему стало неловко за свою слабость. Он взял руку Линь Ю и увидел на ней свежие красные отметины от своих пальцев:

— Простите... я принесу мазь.

Генерал-майор Третьего легиона, проснувшийся посреди ночи от кошмара и вцепившийся в Императора, как ребенок, требующий утешения... Ланн не мог представить ничего более нелепого. Если бы кто-то узнал об этом, его репутация была бы разрушена навсегда.

— Пустяки, через полчаса само пройдет, — отмахнулся Линь Ю. — Так что тебе приснилось?

— Да так, ничего особенного.

— И всё же, я хочу послушать.

Ланн, уютно устроившись под боком у Линь Ю, пересказал сон, опуская лишние детали. Но Линь Ю всё понял. Сюжет был ему слишком знаком. Если бы он не переместился в это тело, если бы Система не выбрала его для выполнения задания... именно такая судьба ждала бы генерал-майора.

— ...

Линь Ю тихо вздохнул и произнес:

— Знаешь, Ланн... Мне только что тоже приснился сон. Будто я был стримером, играл в игру под названием «Звёздная война», и меня выбрала система, назвавшаяся «NPC-исполнителем роли в романе об истязании главного героя №006», после чего я переместился в одну безумную книгу...

Ланн слушал его не шевелясь. Это была странная, абсурдная история, похожая на выдуманную сказку без всякой логики. Но когда он услышал, что Система обещала вернуть героя домой после завершения миссии, его сердце болезненно сжалось. Он впился взглядом в глаза Линь Ю и упрямо спросил:

— И... вы бы ушли?

Линь Ю покачал головой и крепче сжал его ладонь:

— Я уже не могу уйти, Ланн. Много лет назад я попрощался с той Системой. Я сказал ей, что добровольно отказываюсь от возможности вернуться и навсегда останусь в этом мире... рядом с тем, кого люблю.

Он говорил это с такой серьезностью, что Ланн не выдержал и снова полез к нему с поцелуями.

— Глубокая ночь, — в шутку пожаловался генерал-майор, — а вы говорите такие вещи. Вы слишком очаровательны. Боюсь, завтра я не смогу заставить себя пойти на службу.

— Значит, не ходи, — улыбнулся Линь Ю. — В конце концов, и у адмирала, и у Императора есть неиспользованные отгулы.

После долгого поцелуя последние остатки тревоги окончательно покинули Ланна. Он тихо спросил:

— А в твоём сне... куда ушла та Система?

— 66-й? — Линь Ю посмотрел в окно, на бескрайнее звездное небо Империи. — Наверное, он нашел себе нового подопечного и отправился выполнять следующее задание.

Линь Ю молитвенно сложил ладони с притворным сочувствием:

— Я слышал, что и я, и его предыдущий хозяин набрали самые низкие баллы. Боюсь, он провалил квалификационный экзамен... Что ж, могу лишь пожелать ему удачи.

<http://bllate.org/book/15869/1502862>